

УДК 122/129

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.10

**ФЕНОМЕН
МЛАДОСТАРЧЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
КАК ПРИМЕР
РЕКОНСТРУКЦИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ**

**THE PHENOMENON OF JUN-
IOR ELDERSHIP
IN MODERN RUSSIA
AS AN EXAMPLE OF THE
RECONSTRUCTION OF THE
ORTHODOX TRADITION**

Свистунов Андрей Владимирович

Научный сотрудник, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: urfranrostov@gmail.com

Andrey V. Svistunov

Researcher, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: urfranrostov@gmail.com

В статье анализируется феномен младостарчества как проявление реконструкции православных традиций в современном российском обществе. Младостарчество соединяет в себе наследие прежней православной традиции с новыми элементами, обусловленными изменившимся характером запроса современных верующих к религии и религиозным практикам. Критическое отношение официальной РПЦ к младостарчеству («псевдодуховничеству»), зафиксированное в соответствующих документах, свидетельствует о том, что реконструкция старчества в современных условиях сопровождается его деформацией.

The article analyzes the phenomenon of early childhood as a manifestation of the reconstruction of Orthodox traditions in modern Russian society. The young age combines the legacy of the old Orthodox tradition with new elements due to the changed nature of the request of modern believers to religion and religious practices. The critical attitude of the official ROC to young age ("pseudo-spirituality"), recorded in the relevant documents, indicates that the reconstruction of old age in modern conditions is accompanied by its deformation.

Ключевые слова: РПЦ; старчество; духовничество; младостарчество; традиция; реконструкция традиции; религиозное возрождение.

Keywords: Russian Orthodox Church; elders; priesthood; junior eldership; tradition; reconstruction of tradition; religious revival.

Введение

Православие рассматривается сегодня как один из базовых элементов российской коллективной идентичности. С такой оценкой роли православия согласны не только идеологи особого пути России, но и представители политической и культурной элиты и большинство граждан России. О том, что православие заняло прочное место в коллективной идентичности россиян, свидетельствуют социологические опросы, которые показывают, что около 70 % россиян идентифицируют себя как православных. Цифра колеблется в разные годы, но не слишком значительно. Однако массовая российская религиозность имеет парадоксальный характер, что давно фиксируется социологами. Значимое как символический индикатор коллективной идентичности, православие играет совсем незначительную роль в реальной повседневной жизни большинства россиян, при этом попытки РПЦ как-то расширить свое влияние наталкиваются на пассивное, но упорное сопротивление, о чем лучше всего свидетельствуют попытки внедрения православного образования в общеобразовательные школы, а теологии – в вузы.

Однако, несмотря на поверхностную и внешнюю религиозность большинства россиян, для 6–7 % из них православие составляет заметную и важную часть жизни. Именно они в первую очередь сталкиваются с проблемой – как выстроить жизнь в соответствии с православной верой, когда реальные процессы религиозной социализации практически не осуществляются. В ситуации духовного поиска возникает потребность в духовном наставничестве, руководстве. Эта жажда наставничества лежит в основе современного российского феномена младостарчества. Младостарчество представляет собой синтез старого и нового, воспоминания о давней традиции и влияния современных условий и новых религиозных практик – нередко исследователи сравнивают младостарчество с феноменом гуруизма, распространенного в различных нетрадиционных религиях.

Истоки младостарчества

Младостарчество («лжедуховничество») – феномен, получивший распространение в постсоветский период, но возникший еще до распада СССР. Довольно долгое время церковь никак не реагировала на эту неформальную практику, но в начале 2000-х гг. масштаб явления заставил патриарха Алексия II сделать особое заявление, осуждающее это явление (Церковь и время, 1999).

В декабре 1998 г. Священным синодом было принято специальное постановление «Об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью вязать и решить» (Заседание Священного синода, 1998), где осуждался феномен младостарчества (духовничества). Синод постановил:

1. Имея в виду участившиеся жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за исключением случаев, когда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи; отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства.

2. Напомнить всем пастырям Русской православной церкви, несущим духовническое служение, о необходимости в духовнической практике строго следовать букве и духу Священного Писания и Священного Предания Православной церкви, заветам Святых Отцов и каноническим установлениям, а также о недопустимости для православных пастырей вводить в духовническую практику какие-либо нравственные и иные требования, выходящие за рамки предписанного означенными установлениями, и по слову Спасителя, «возлагать на людей бремена неудобноносимые» (Лк.11,46).

3. Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой (Заседание Священного синода, 1998).

В докладе на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви 13–16 августа 2000 г. патриарх Алексий II говорил: «Серьезной проблемой остается так называемое младостарчество – явление, связанное не с возрастом священнослужителя, а с отсутствием у него трезвого и мудрого подхода к духовнической практике» (Церковь и время, 1999).

Нас интересует здесь не столько оценка младостарчества со стороны руководства РПЦ, сколько сущность этого феномена в контексте проблематики реконструкции традиции – в данном случае церковной традиции. Однако оценка младостарчества руководством Церкви указывает на важный момент – связь этого феномена с традицией и искажение этой традиции.

Традиция старчества как традиция внутрицерковного духовного наставничества возникает практически одновременно с формированием монашества еще до разделения церквей. Причем термин «возникновение» указывает на инновацию – то, что стало традицией, первоначально было новым культурным явлением, которое было вызвано к жизни новыми формами религиозной деятельности. Монастыри, монашеский уклад – всё это на раннем этапе развития Церкви было инновацией, хотя отчасти опирающейся на античные дохристианские аскетические практики.

Для признания кого-либо старцем или духовным наставником не были важны какие-то формальные статусные различия – только духовные достижения имели значение. Старцы обладали особым авторитетом, который мог быть выше, чем у церковных иерархов. Потому старчество – это неформальная церковная практика.

Более опытный в духовном подвижничестве монах наставлял менее опытного, причем наставничество это приобретает своеобразные формы, обусловленные самой спецификой аскетических практик. Например, для успеха в духовном подвиге монах должен научиться смирять свою волю, в связи с чем послушник учился подчинять свою волю наставнику. Специфика наставничества, форма руководства зависели от личности наставника. Важно отметить, что это была именно монашеская практика – по отношению к мирянам она не применялась.

Особенности старчества в русской православной традиции

В русской православной традиции старчество приобрело некоторые особенности. Главной особенностью было то, что русские старцы давали духовные советы не только монахам, но и мирянам. В русском старчестве изначально присутствовали две тенденции: созерцательность (собственно духовное возрастание) и благотворительность. Созерцательность восходила собственно к монашескому, византийскому, исихастскому образцу, её ядром была «Иисусова молитва», именно для надлежащего её исполнения, приведения воли в надлежащее состояние и нужно было духовное наставничество более опытного подвижающегося. Однако после спора нестяжателей и иосифлян, раз-

решившегося в пользу последних, созерцательное, исихастское созерцательное начало в русской православной традиции затухает.

Как замечает Т.В. Руденская, «преподобный Нил Сорский отстаивает позицию нестяжательности. Если формально следовать этой традиции, теряется связь со светской жизнью человека. Преподобный Иосиф Волоцкий, наоборот, отдает приоритет благотворительности, но, следуя этой традиции, монашество постепенно “обмирщается”, срастается с государством в ущерб духовному деланию. Идеи Иосифа Волоцкого были отражены в постановлениях Стоглавого собора, таким образом, установка на обрядность восторжествовала. Традиция нестяжателей была забыта, и это означало падение древнего русского старчества. Таким образом, русское старчество, оторвавшись от византийского начала – исихазма, разложилось на две ветви, и одна ветвь – духовная – вскоре забылась почти на два столетия» (Руденская, 2011).

Возрождение русского старчества начинается в эпоху религиозных преобразований Петра I и Екатерины II. Под давлением государства на церковь монахи уходят в леса. Многие бежали за пределы России, в том числе на Афон. Паисий Величковский, с чьим именем исследователи русского старчества связывают возрождение этого феномена в России, несколько лет провел на Афоне, он знал греческий язык и читал Святых Отцов на греческом. Таким образом, прямое включение в непрерывную православную традицию, сохраняющуюся на Афоне, позволило ему возродить старчество в России. С конца XVIII в. в центральной России начинают возникать монастыри, монахи которых практиковали «умное делание», старчество становится заметным явлением не только религиозной, но и культурной жизни, потому что старцы не только подвизались в монастырях, но и давали советы и наставления мирянам.

«С самого начала в русском старчестве главной чертой является сочетание строгого подвижничества с активным выходом в мир, т.е. широкое общение с мирянами, служение в качестве духовников. О том, что эта новая форма общения отвечала особенностям русского православного менталитета, говорит тот факт, что старчество очень быстро снискало в народе огромную славу и популярность. Это видно на примере целой плеяды Оптинских старцев, Саровской пустыни, Троице-Сергиевой лавры, Почаевской лавры и многих других духовных центров, куда постоянно тянулись люди. Последние Оптинские старцы Нектарий и Никон продолжали свое служение еще несколько лет даже при большевистском режиме» (Руденская, 2011).

Следует добавить, что многие известные деятели русской культуры искали духовного наставничества в Оптиной пустыни: И.В. Киреевский, Н.В. Гоголь, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев и др. Феномен старчества нашел отражение в русской литературе, достаточно вспомнить творчество Ф.М. Достоевского, например, его романы «Братья Карамазовы» и «Бесы».

Однако уже в конце XIX – начале XX в. в старчестве возникают некоторые кризисные тенденции, которые заставляли религиозных деятелей того времени критично о нем отзываться. Святитель Игнатий Брянчанинов, который и сам был связан с Оптиной пустыней и поддерживал отношения с Оптиными старцами, отмечал, что в некоторых случаях люди, претендующие на духовное водительство, на самом деле не соответствуют этому имени: «душепагубное актерство и печальнейшая комедия – старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований» (Младостарчество).

Младостарчество в современных условиях

Десятилетия атеистического режима привели к прерыванию традиции православного старчества в России, хотя некоторые примеры единичных старцев и стариц (женский вариант старчества) сохранились. Однако из-за практической недоступности священников и монашеской жизни старцами и старицами могли становиться даже миряне, что неизбежно порождало проблемы и искажения духовной жизни.

В постсоветский период старчество начало развиваться весьма активно на волне возрождения Русской православной церкви и массового интереса к православию, а также трудностей, с которыми стали сталкиваться люди в нестабильном обществе. В 90-е гг. вокруг Дивеева (места, освященного памятью о св. Серафиме Саровском и являющегося сегодня местом православного паломничества) начали селиться некоторые последователи лжестарцев и проповедовать, что спастись от грядущего апокалипсиса могут только те, кто находится в пределах Дивеевой канавки (еще одна новая святыня современного народного православия) (Саломатина, 2013). В 90-е гг. некоторые бывшие монахи Оптиной пустыни стали селиться недалеко от неё и тоже вести деятельность наставников, проповедуя при этом о конце мира и грехе принятия ИНН, укрепляя тем самым и без того распространенное среди верующих суеверие (Саломатина, 2013).

Зачастую люди искали у старцев не столько руководства на пути духовного возрастания, сколько авторитет, способный дать какие-то

ориентиры в жизни мирской. Среди лжестарцев были и представители духовенства, и миряне, причем принадлежность к духовенству сама по себе еще не давала гарантии правильного духовного наставления, чем и вызвана тревога руководства РПЦ, выразившаяся в официальных документах, которые цитировались выше.

В современных условиях обращение к «старцам» часто становится результатом самостоятельного поиска истинного пути, поскольку традиция трансляции духовного опыта в обществе прервана. На этом пути люди руководствуются «псевдотрадицией», почерпнутой из сомнительных источников, причем часто это касается не только прихожан, но и священников. Так, К.А. Лукьяненко и А.Н. Кадуков пишут: «Сейчас самая распространенная литература в православной среде, особенно среди простых прихожан, – это книги про различных старцев и стариц ... Такие из ряда вон выходящие брошюры и фильмы порождают страшные суеверия, приводят человека к языческому и мифологическому сознанию, уводят от истины. Странно то, что в храмах продается подобная литература и кинопродукция, а множество священников буквально опустошают прилавки с этой ересью и распространяют их» (Лукьяненко, 2008).

К перечню произведений православной и псевдоправославной массовой культуры мы можем добавить и фильм «Остров» режиссера П. Лунгина, где главный герой – практически «старец» советской эпохи. Помимо чисто фактических искажений исторической действительности, в этом фильме искажен и сам образ духовного наставника, который предстает как некое подобие экстрасенса или колдуна. Изгнание бесов, которое является практически кульминацией фильма, – одна из распространенных (и осуждаемых официальной церковью) практик современных лжестарцев. Но фильм имел заметный успех, что говорит об отсутствии внятного представления у массовой аудитории о том, в чем суть деятельности православного духовного наставника.

Как замечает Н. Митрохин, рост влияния старцев (духовников), являющихся священниками, в постсоветский период привел к тому, что в рамках церкви сложилась практически двойная иерархия: официальная, с одной стороны, и неофициальная, основанная на почитании влиятельных духовников, – с другой (Митрохин, 2006). Взгляды, особенно политические и идеологические, проповедуемые старцами, могут существенно отличаться от официально принятых в РПЦ, они гораздо ближе к религиозному фундаментализму, что чревато конфликтами.

Влиятельные духовники формируют своеобразные сообщества, которые включают не только представителей духовенства, но и мирян, духовных чад старцев или духовников. Весьма влиятельным духовником является архимандрит Наум (Байбородин), член духовного совета Троице-Сергиевой лавры. На примере его деятельности Н. Митрохин анализирует, как функционируют современное старчество / духовничество и его специфические черты, среди которых главная – активная вовлеченность в мирскую жизнь. Многие духовные чада современных старцев – миряне, если речь идет о знаменитых духовниках, то и чада тоже зачастую не рядовые граждане. В 2003 г. последователи старца Наума заявили о себе в рамках политической партии «За Русь святую!».

На основе исследования деятельности различных современных старцев Митрохин выделяет следующие черты:

- внеиерархичность (неподконтрольность формальной церковной иерархии);
- приверженность устной (народной) традиции передачи знания (в противоположность письменной традиции официальной религии);
- ориентация на индивидуальное общение с адептами или небольшой группой последователей (в противоположность массовой проповеди);
- предложение конкретных рецептов помощи в трудной жизненной ситуации (в противоположность общим морально-нравственным установлениям, декларируемым и контролируемым носителями официальной религиозности) (Митрохин, 2006).

Из перечисленных черт особенно важна апелляция к устной традиции. В отличие от письменной традиции, устная традиция в современных условиях легко поддается волюнтаристским перетолкованиям и практически полностью зависит от интерпретаций отдельных лиц. Что и демонстрирует сам феномен младостарчества, или «лжедуховничества».

Резюме

В наши задачи не входит критика феномена младостарчества с православных позиций – это находится вне исследовательской компетенции. Нам важно отметить, что в современных условиях в рамках православной общественности происходит реконструкция внутрицерковной традиции старчества. Однако реконструкция не является восстановлением аутентичной традиции – в ходе реконструкции создается практически новый феномен, интерпретируемый многими православ-

ными как древний и почтенный. На результат реконструкции влияют запросы современных верующих, их видение православия и цели религиозных практик, что и предопределяет характер современного старчества, независимо от того, критикуется этот феномен или, наоборот, рассматривается как некое духовное достижение.

Литература

Заседание Священного синода 28–29 декабря 1998 г. Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/1999/02/sr291281/>.

Лукьяненко К.А., Кадуков А.Н. Истоки болезней современной православной церкви (младостарчество, экзорцизм, экуменизм) // Філософські дослідження : збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля / Луганська та Алчевська єпархія. Луганськ, 2008. Вип. 9.

Митрохин Н. Архимандрит Наум и «наумовцы» как квинтэссенция современного старчества // Религиозные практики в современной России : сб. ст. / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. М. : Новое изд-во, 2006. 400 с.

Младостарчество. Режим доступа: <https://azbyka.ru/mladostarchestvo>.

Руденская Т.В. Русское старчество как духовный феномен православия // Вестник ОГУ. 2011. № 1 (120). С. 15–20.

Саломатина А.А., Астахова Л.С. Проблема младостарчества в Русской православной церкви // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : материалы VIII студ. междунар. заоч. науч.-практ. конф. (21 февраля 2013 г.). Новосибирск : СибАК, 2013. 64 с.

Церковь и время. 1999. № 2. Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/spiritual/217/>.

References

Zasedanie Svyashchennogo sinoda 28-29 dekabrya 1998 g. Available at: <https://mospat.ru/archive/1999/02/sr291281/>.

Luk'yanenko, K.A., Kadukov, A.N. (2008). Istoki boleznay sovremennoy pravoslavnoy tserkvi (mladostarchestvo, ekzortsizm, eku-menizm). Filosofs'ki doslidzhennya: zbirnik naukovikh prats' Skhidnoukraïns'kogo natsional'nogo universitetu im. V. Dalya. Lugans'ka ta Alchevs'ka eparkhiya. Lugans'k, 9.

Mitrokhin, N. (2006). Arkhimandrit Naum i «naumovtsy» kak kvintessentsiya sovremennogo starchestv. Religioznye praktiki v sovremennoy Rossii. In K. Russele, A. Agadzhanian (Eds.). M.: Novoe izdatel'stvo.

Mladostarchestvo. Available at: <https://azbyka.ru/mladostarchestvo>.

Rudenskaya, T.V. (2011). Russkoe starchestvo kak dukhovnyy fenomen pravoslaviya. Vestnik OGU, 1 (120), 15-20. (In Russian).

Salomatina, A.A., Astakhova, L.S. (2013). Problema mladostarchestva v Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki: materialy VIII studencheskoy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (21 fevralya 2013 g.). Novosibirsk: SibAK.

Tserkov' i vremya (1999), 2. Available at: <http://www.kiev-orthodox.org/site/spiritual/217/>.

Поступила в редакцию

1 ноября 2018 г.